

расколотости, оставаясь один на один со своим чувством вины, ввергавшим поэта не только в духовную болезнь отчаяния, но и в физическую болезненность...

Кьеркегор предлагает путь к преодолению этих болезней, который заключается в синтезе конечности и бесконечности через веру в Бога. Столкновение со смертью за пределами отчаяния возможно только путем объединения бесконечности и вечности в смертном теле. Люди могут поддерживать свой дух, принимая конечность и смерть только через Бога, Который бесконечен и вечен. Это позволяет создать состояние ума, которое поддерживает спокойную радость, непоколебимую перед лицом конечного страдания. Можно с уверенностью утверждать, что Тютчев разделял предложенный Кьеркегором путь. Это отчетливо проявляется в его поэзии, пусть до конца не свободной от мучительных болезней духа, но насыщенной религиозными мотивами и облегчающей эти мучения искренней верой в Бога.

Литература

Бедрицкая Н. В. Проблема одиночества в философии экзистенциализма (Вызов «пустующего места» Другого) / Н. В. Бедрицкая // Философия и социальные науки: научный журнал. 2008. № 3. С. 18–22.

Кьеркегор С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор [Пер. с дат. Н. В. Исаевой]. М. : Академический проект, 2014. 160 с.

Кьеркегор С. Понятие страха / С. Кьеркегор [пер. с дат. Н. В. Исаевой]. М. : Академический проект, 2014. 224 с.

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. М. : Искусство, 1991. 367 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т.5 / Ф. И. Тютчев. М. : Классика, 2005. 496 с.

Эйхенбаум Б. М. Письма Тютчева // Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л. : ACADEMIA, 1924. С. 50–61.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М. : Политиздат, 1991. 527 с.

Mysovskikh L. O. Existential foundations of the theme of death in the letters of F. I. Tyutchev

Abstract. The article examines the theme of death in the letters of F. I. Tyutchev through the prism of religious existentialism of S. Kierkegaard and K. Jaspers. The author comes to the conclusion that F. I. Tyutchev was plunged into a borderline state caused by a sense of guilt and despair, which was the reason for his gloomy thoughts about death. The article presents explanations and a way to resolve this crisis situation proposed by the founder of existentialism, S. Kierkegaard, who saw a way out of it in Divine faith.

Keywords: existentialism, religion, philosophy, fiction, literary theory, Russian literature.

А. С. Ковальская

(научн. руководитель Е. К. Созина)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Мифотворческое начало в переписке К. Бальмонта и В. Брюсова

Аннотация. Цель статьи – выявить особенности авторского мифотворчества, свойственного эстетике символизма, на материале писем К. Бальмонта и В. Брюсова. Образ Брюсова, сконструированный Бальмонтом в письмах, мифологизируется: Бальмонт вводит мотив священного «братства», распространенный в переписках поэтов-символистов тех лет.

Бальмонт создает миф о союзе двух поэтов, который трактуется им как совершенный, подчеркивая дистанцию между миром людей и «избранными» поэтами. Особую важность для него имеет мотив молодости, которая символизирует идеальное состояние души и является неизменной составляющей мифа.

Ключевые слова: переписка, миф, символизм, сюжет, мотив.

Символизм декларировал синтез искусства и повседневности, художественное как бы претворялось в жизнь волей творца, становилось своего рода новой реальностью. Андрей Белый, бывший одной из самых знаковых фигур символистического направления, так выразил эту доминанту в художественном сознании символистов: «Искусство жить есть эстетическое творчество во внешнем определении его. Внешность жизни есть материал творчества при внутреннем определении ее» [Белый, 2012, 242]. Сближение творческого и житейского происходит через мифологизацию и поэтизацию действительности, через жизнетворчество, что позволяет создавать особую художественную систему, в полной мере встраиваемую в идею о преображенной реальности. Исследователи называют это явление «семиотизацией повседневности» [Лелеко 2002: 4], когда она обретает новое значение, и символ реализуется в бытовом пространстве. Символист, таким образом, активно разрабатывает не только собственный образ, который непосредственно отражается в поэзии, но и уподобляет ему свою жизнь, которая становится полем для творческой самореализации поэта. Театральность, литературные мистификации, появление различных автобиографических мифов становятся неотъемлемой частью эпохи модернизма. Творческий акт, таким образом, не ограничивается художественным творчеством как таковым, он становится интегрированным в быт, а бытовое благодаря этому эстетизируется. Т. И. Ерохина в исследовании «Личность и текст в культуре русского символизма» определяет роль жизнетворчества следующим образом: «Жизнетворчество русского символиста приобретает репрезентативность в аспекте медиативной функции, предполагая снятие бинарной оппозиции «творчество / жизнь» [Ерохина 2009: 320]. Противоречие между «горним» и «дольним» мирами, занимавшее романтиков, снимается символистами за счет приравнивания одной части оппозиции к другой, их своеобразному примирению. Все это способствует обогащению диапазона авторского голоса, позволяет использовать мифотворческий инструментарий в нехудожественных жанрах с не меньшей эффективностью, чем в художественных.

Ярким примером такого использования является эпистолярный жанр, имевший для символистов особое значение. Л. А. Орехова в работе «Авторское мифотворчество и русский модернизм» подчеркивает связь мифотворческого начала с эпистолярием: «Самым ярким свидетельством авторского мифотворчества в быту является переписка <...> Для символистов ситуация общения давала толчок для создания эпистолярного сюжета взаимоотношений автора и адресата, сюжета, способного из эпистолярного мифа превратиться в жизненный» [Орехова 1992: 75]. Из этого следует, что происходит соединение художественного и эпистолярного, поскольку автор, руководствуясь интенцией создания некоего образа, тщательно отбирает те личностные черты, которые наиболее полно отражают его эстетические взгляды, особенности поэтической картины. Ориентируясь не только на адресата, но и на предполагаемого читателя, поэт продолжает творить и в переписке, видоизменяя и пересоздавая свое «я».

К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов – поэты, чьи сочинения приобрели в XX веке значение манифестов символизма, положив начало новой эстетике. Но связь авторов обусловлена не только тем, что Бальмонт и Брюсов принадлежали к одному литературному течению, но и тем, что на протяжении десятилетий между ними сохранялись сложные взаимоотношения, которые можно проследить в их обширной переписке. Дружбе способствовала идейная близость поэтов, общность их взглядов на искусство, стремление сказать «новое» слово, способное выразить искания эпохи. Сохранилось множество посвящений, посланий, рецензий поэтов о сборниках друг друга. Однако, несмотря на то, что «эти имена ходили в

паре» [Цветаева 2018: 27], по выражению М. Цветаевой, сложно представить себе более несхожих по природе авторов, чем Бальмонт и Брюсов. Взаимное влияние поэтов еще более оттеняло различия между ними. Об этом пишет Е. А. Андреева: «Оба волевые, с ярко выраженными индивидуальностями, они влияли друг на друга, но ни один не подчинялся другому» [Андреева-Бальмонт 1997: 336]. В этом поединке, диалоге, соперничестве и союзе двух поэтов, что длился почти двадцать пять лет, рождалось множество идей, сталкивались мнения, и неизменно обнаруживались новые темы, которые оба поэта осмыслили в своих стихах.

В переписку включены 144 письма, 26 из которых принадлежат Брюсову, 118 – Бальмонту, и охватывают период в 22 года. Это неравное соотношение показательно, так как оно указывает на одностороннее желание Бальмонта создать определенный миф, который, как мы увидим позже, не будет поддержан Брюсовым. Л. А. Орехова, исследуя переписку А. Блока и А. Белого, писала о «стилевой модели», которая в переписках поэтов и писателей «приобретает роль эпистолярного канона» [Орехова 1992: 62]. Реконструируя миф, созданный Бальмонтом, мы можем выделить основные мотивы, ставшие опорными точками в создании эпистолярного сюжета. Так, одной из важных черт писем Белого и Блока является мотив «братства», который присутствует и в переписке между Брюсовым и Бальмонтом. Брюсов пишет Бальмонту: «О мой друг! о мой брат! – сегодня мне принесли первый экземпляр «Meum» [Переписка 1991: 87]. Бальмонт также именует Брюсова «братом», но значительно расширяет смысловое значение этого слова. «Братство» для Бальмонта исполнено глубокого смысла и зачастую сопряжено с душевным откровением: «От души благодарю Вас, брат мой, за оба письма, за второе, такое, как можете написать только Вы. О, настоящий! Как я люблю Вас!» [Переписка 1991: 126]. Следующие строки не менее показательны: «Люблю Вас, холодный брат мой. Очень люблю Вас. Я был бы несчастен долго и всегда, если бы Вы не жили, если бы Вы перестали жить» [Переписка 1991: 129]. Письма Бальмонта к Брюсову выдержаны в тоне, граничащим с экстатическим, в то время как Брюсов отвечает редко и гораздо более сдержанно. Оттого Бальмонт часто обращается к нему как к «холодному» или «дремотному» брату. Чаще всего встречается, однако, эпитет «темноглазый»: «О, Валерий, темноглазый брат мой, над вихрями и сумраком бурунов, мы с тобою – две яркие звезды» [Переписка 1991: 194]. Для Бальмонта это особенно важно: на протяжении всей переписки он нередко указывает на их несхожесть, говорит о мрачности Брюсова, излишнем рационализме в противовес собственной беспечности, «солнечности». Можно сказать, что, называя Брюсова «темноглазым», Бальмонт актуализирует различие между ними как в художественном творчестве, так и в душевном складе.

Именно братство выступает начальной ступенью в конструировании мифа, специфика которого заключается в мифологизации Бальмонтом отношений между ним и Брюсовым. Бальмонт с первых лет знакомства с Брюсовым создает миф о двух избранных поэтах, о дружбе, предопределенной свыше и потому сакральной. В их союзе для Бальмонта особенно важно то, что тот являет собой абсолютное поэтическое начало, две несхожих друг с другом стихии, находящиеся, однако, в неразрывном единстве. Высший смысл, которым поэт наделяет их отношения, пересекается с темой судьбы, которая соединяет поэтов. Так, Бальмонт называет Брюсова «предназначенным» братом, указывая на священность их дружбы, ее своеобразность. Отсюда и написание личного местоимения «ты» с заглавной буквы, чему следуют и Брюсов, и Бальмонт. Поэты преклоняются друг перед другом на ранних этапах переписки, а после это становится частью канона и потому не нарушается. Избранность, которую Бальмонт культивировал в своем собственном образе, оказалась одной из составляющих в его письмах к Брюсову, и ей неизменно сопутствовало подчеркнутое дистанцирование поэтов от всех прочих: «Да, я верю только в себя и в Вас. <...> Все другие, кроме нас двоих, так жалко делаются людьми <...>, забывают блеск своих глаз и прежних слов своих» [Переписка 1991: 120]. Разделение на «поэтов» и «всех прочих» развивается Бальмонтом в следующих строках: «Я искренне думаю, что за все эти последние десятилетия в России было лишь два человека, достойные имени Поэта, священнее которого

для меня нет ничего. Это ты, и это я» [Переписка 1991: 168]. Бальмонт, поддерживая созданный им миф, делает упор на крайней обособленности поэтов не только от иных художников слова, но и от всех людей вообще. «Если бы был мне выбор оставить тебя или всех людей, я бросил бы в пропасть всех людей <...> и оставил бы тебя на священной опустевшей Земле, и мы говорили бы, как никто никогда не говорил с своим братом, как мы говорили уже не однажды, возносясь на кругозор пределов» [Переписка 1991: 174]. Одиночество, по мнению Бальмонта, является необходимым для творчества, указывает на особую природу поэта, которому чужда суета. Он характеризует свою позицию в письме к Брюсову в следующих строках: «Но в одной плоскости с людьми и миром не буду». И далее: «Милый Валерий, я рад, что ты одинок. Это более идет к тебе» [Переписка 1991: 167]. Мы видим, что Бальмонт пытается склонить Брюсова к следованию правилам, им созданным, уподобить самому себе, и, что немаловажно – воображаемому образу поэта-брата.

Стоит отметить, что Бальмонт, выбрав в письмах конкретную роль и следуя ей, делает это из интуитивного стремления создать миф. Об этом говорит сам факт необходимости разработки четкого образа адресата, который будет определять тон и содержание писем. По Л. А. Ореховой, важным в эпистолярной символистов является «авторское самоопределение»: именно оно, становясь центром замысла, указывает на специфику конструируемого мифа, на место автора в нем. Бальмонт моделирует не только свой собственный образ, но и образ Брюсова, и это является важной особенностью переписки поэтов. Бальмонт не стремится к главенствующей позиции в идеализируемом им «братском союзе», хоть и является его прямым инициатором. Ему важна обоюдность в преклонении, равенство одного поэта перед другим, их нахождение на одном уровне.

Бальмонт и Брюсов, по мысли первого, превосходят «других» не только в поэтическом мастерстве, но и в духовном плане. Образ двух поэтов Бальмонт часто связывает со звездами: «Мы с тобой – две яркие звезды над пустыней прибоя» [Переписка 1991: 194] – пишет он Брюсову в 1908 году. В одном из стихотворений, посвященных Брюсову, которое Бальмонт помещает в одно из писем, также присутствует символ звезды: «Сказку вспомни изумрудную // Нашей, двойственной Звезды» [Переписка 1991: 68]. Двойственная звезда, таким образом, олицетворяет поэтов, символизирует их союз. Звезда выбрана Бальмонтом не случайно: ночные светила как таковые в поэтике Бальмонта связываются с нездешним, со своеобразным инобытием, являются выражением мистического. Об этом пишет Е. Штырлина: «В поэзии Бальмонта образы небесной выси, звезд становятся символами идеального мира. <...> небо является той конечной целью, к которой стремится лирический герой, – достичь мира гармонии и чистоты» [Штырлина 2018: 117]. Два поэта, которые оказываются вознесенными на небо, означают для Бальмонта высшую степень просветления и духовной полноты, их сравнение со звездами подчеркивает и отделенность от мирского, нахождение, условно, говоря, в высях творческой гармонии, над всем остальным. В своих стихотворениях Бальмонт нередко очеловечивает звезды, и в неоднократном сравнении Бальмонта и Брюсова со звездой эта интенция достигает наивысшей точки.

Стремление к надмирному – одна из доминант бальмонтовской поэтики, оттого он и связывает важнейшие смыслы с Брюсовым: миф о двух избранных «поэтах-звездах» отвечает эстетической парадигме Бальмонта. Их дружба так же исполнена мистического откровения, тайного и высшего смысла, которые связываются поэтом с небесным светилом. О мистической направленности мифа о братстве с Брюсовым свидетельствуют следующие строки: «Не там ли я полюбил Вас в первое мгновение, когда увидел, и эта любовь длится почти уже десятилетие. Не кажется ли Вам это таинственным? <...> Живите долго, потому что Вы нужны для красоты мира, и потому что я хочу еще жить десятки лет» [Переписка 1991: 136]. Эти слова свидетельствуют о том, что Бальмонт относится к Брюсову с восхищением, весьма преувеличенным, что также является неотъемлемой чертой их идеализированных взаимоотношений. Они попросту не могут быть иными, ровный тон и сдержанность противоречат «братству», глубине духовной связи поэтов, силе чувства, их объединяющего. Чрезмерная восторженность, предельность в выражении чувств

прослеживается и в письмах А. Белого к А. Блоку, став общим местом в переписках символистов.

Еще одним важным мотивом, красной нитью проходящим через все письма поэтов, можно назвать мотив молодости или юности, трактуемый Бальмонтом как золотая пора души, полная сакрального значения. Бальмонт полагал, что поэт должен являть собой юность, поскольку она – основа любого творчества и созидания. Поэтому образ Брюсова неоднократно связывался Бальмонтом с юностью, и это обусловлено не только тем, что расцвет дружбы поэтов пришелся на их молодость, но и тем, что юность символизирует расцвет духовных сил и тесно связана с представлением Бальмонта об идеальном «певце», чей образ обрел в переписке поэтов мифологическое значение. В письмах Бальмонт неоднократно обращается к теме молодости, которая маркируется как совершенная: «Мы будем молодыми и неземными – годы, десятки лет, века» [Переписка 1991: 120]. В созданном Бальмонтом мифе важно то, что юность должна оставаться вневременной, неподвластной ничему: «И разве не лучшее в Вас и во мне, что мы вечно молоды, что мы не можем постареть <...> Что может быть для двух молодых душ, чувствующих прелесть Луны, ночи? <...> ощущения внутренней созвучности, ощущения двух звездных рек, убегающих от своих истоков к Бесконечности» [Переписка 1991: 150]. В данном отрывке ярко проявилась не только упомянутая тема молодости, но и связь поэтов, представленная Бальмонтом как ключ к гармонии и «созвучности» душ. Не менее показательны «две звездные реки», относящиеся к образу «двойной звезды», и имеющие схожее значение: они символизируют, опять же, поэтов, которым благодаря их близости открывается сфера трансцендентного, бесконечность.

В следующем письме, написанном Бальмонтом, аккумулируются те смыслы, что были обозначены ранее: и мотив молодости, и звездная символика, и акцент на отъединенности поэтов от целого мира, подчеркивающий их сопряженность: «Мне начинает казаться, что ко мне и тебе возвращаются те дни, когда, <...>, мы ходили с тобой по улицам Москвы от Вечерней звезды до Утренней. <...>. Я чувствую, что нас двое с тобой во всем мире. Десять лет завершили свой круг, и ко мне вернулась юнейшая юность» [Переписка 1991: 167].

Нередко Бальмонт связывает молодость с весной, обращаясь к Брюсову: «И первый миг нашей встречи незабвенно цветет в моей душе, как цветут весенние цветы» [Переписка 1991: 194]. Немаловажно, что всякий раз Бальмонт вводит тему вечности, победы над временем, говоря об их с Брюсовым взаимоотношениях, или характеризуя идеал поэта, который призван хранить в своей душе юность. Это связано со стремлением Бальмонта к той же идеализации, акценте на сверхличном, существующем по его, поэта, законам. Это подтверждается следующими строками из письма Бальмонта к Брюсову: «Я все еще иду с тобой по Московским улицам, и мы говорим вечные бессмертные слова...<...> Или ты, пропевший мне гимн и назвавший меня вечным Маем, не понимаешь, что я воистину есмь вечный Май? Был, есмь и буду» [Переписка 1991: 188]. Все весеннее, молодое для Бальмонта идеально, и именно оно открывает путь к инобытию, отход от этого воспринимается им как неистинное. Бальмонт подчеркивает, что остается верен собственному самоопределению: «я воистину есмь вечный май». В этом ему видится предназначение поэта, на чем он и создает миф, но Брюсов отрекается от роли певца, такого, каким его хотел видеть Бальмонт.

Множество примеров свидетельствует о том, что Брюсову были чужды идеи Бальмонта и тот эпистолярный сюжет, которому тот упорно следовал долгие годы. Брюсов осознавал намерение Бальмонта создать опозитизированный образ двух творцов, стоящих у истоков русского символизма, но не принимал его. Непонимание, возникшее между поэтами, некогда бывшими единомышленниками, ощущается в тех немногих письмах, которые Брюсов адресовал Бальмонту. Первое письмо, в котором Брюсов указал на несоответствие воображаемого и действительного, обнаруживает зарождающиеся противоречия: «Желал бы быть таким, каким Вы меня в нем рисуете, но это, к сожалению, не я. <...> и чем дальше идет время, тем далее я от того образа, который живет в Вашем стихотворении» [Переписка 1991: 137]. Далее письма Брюсова стали гораздо более категоричными: «Когда-то я написал

Тебе: Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный... вот правда. <...> Ты говорил ко мне как к прежнему и я, вызывая памятью свое собственное привидение, старался отвечать Тебе, как прежний, но было трудно и не всегда удавалось <...> Не ищи только того «Валерия Брюсова», которого больше нет» [Переписка 1991: 162] – пишет Брюсов Бальмонту в 1905 году. Спустя два года Брюсов добавит: «Я не хочу такого кощунственного театра, и Ты его, конечно, не хочешь, и видеть(ся) мы должны будем только в том случае, если я буду я, а Ты – Ты. Вот в чем весь вопрос: хочешь ли Ты меня таким, каков я, или Ты мечтаешь о некромантии, думаешь вызвать тень умершего» [Переписка 1991: 185].

Брюсов разрушает тщательно продуманный Бальмонтом миф, ощущая внутреннее несходство с тем образом, что Бальмонт создал, уподобляя его самому себе. Об этом Брюсов пишет прямо, развенчивая концепцию Бальмонта: «Мне кажется, что говоря ко мне, Ты обращаешься не ко мне, какой я сейчас, <...> а к какому-то иному лицу, быть может, бывшему, быть может созданному Тобой для Тебя» [Переписка 1991: 162]. Брюсов точно подмечает, что Бальмонт находится во власти идеи, захватившей его всецело, несмотря на нежелание Брюсова быть частью мифологизируемого союза. Бальмонт осознавал бесплотность своих попыток приобщить Брюсова к эпистолярному сюжету, и корил того за несогласие: «И ты целен, Валерий, темноглазый брат мой, и ты целен, но сейчас ты в великой разломанности своего «Я». <...> оттого, что эта расколотость твоя так цельна и полна, ты не видишь и не можешь сейчас видеть ее» [Переписка 1991: 188].

Отчуждение Брюсова в отношении Бальмонта все усиливалось, и между поэтами появились разногласия на почве искусства, которые породил, в свою очередь, «миф о дружбе-вражде», бесконечном состязании двух поэтов, которые из «братьев» превратились в соперников с полярными взглядами на жизнь и поэзию. Аналогичным образом в свое время развивалась и переписка Белого и Блока: «Сюжет взаимоотношений лег в основание будущего мифа о «дружбе-вражде» – захватывающей истории <...> с виртуозным переплетением факта и вымысла» [Орехова 1992: 64]. Бальмонт, как и Белый, не мог принять осуществившейся перемены, требуя от Брюсова прежнего тона, восстановления былой близости и дружбы, некогда ставшей основой мифа. Бальмонт продолжает отправлять Брюсову письма, полные глубокого чувства, но ответа не получает, и мифотворческий акт, начавшийся как обрамление творческого союза двух поэтов, приводит к охлаждению.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Бальмонт долгие годы создавал миф о двух избранных поэтах-«братьях», призванных внести неоценимый вклад в поэзию рубежа веков. Конструирование им не только собственного эпистолярного «я», но и образа Брюсова, прослеживается в устойчивых мотивах, сопутствующих письмам поэтов. Сакральность взаимоотношений, их идеализация, является частью стилевого канона, которому следует Бальмонт.

Обращение к авторскому мифу, задавшему определенный вектор развития переписки, говорит о стремлении Бальмонта к мифотворчеству, свойственному культуре Серебряного века. Именно мифологизация является одной из важнейших черт художественного мира Бальмонта, она же становится основой его посланий к Брюсову.

Литература

- Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 560 с.
- Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М. : Альфа-книга, 2011. 1307 с.
- Белый А. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М. : «Республика», 2012. 594 с.
- Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. 2. М. : Художественная литература, 1973. 612 с.
- Ерохина Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма: автореф. на соиск. уч. степени д-ра культурологии. Ярославль, 2009. – 438 с.

Лелеко В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. СПб., 2002. 321 с.

Переписка [В. Я. Брюсова] с К. Д. Бальмонтом (1904–1918) / Вступ. ст. и подг. текстов А. А. Нинова; коммент. А. А. Нинова, Р. Л. Щербакова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991 (Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1).

Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм. Киев, 1992. 93 с.

Штырлина Е. Функционально-семантические особенности лексемы «звезда» в поэтическом языке К. Д. Бальмонта // Филология и культура, Казань, 2018. №3. С. 116–120.

Kovalskaia A. S. Mythmaking origin in correspondence of K. Balmont and V. Bryusov.

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the author's myth-making, which is inherent in the aesthetics of symbolism, based on correspondence of K. Balmont and V. Bryusov. Image of Bryusov, which was constructed by Balmont in their letters, become a myth: Balmont creates motive of sacred «brotherhood», which was a common theme in symbolists poets correspondence. Balmont creates myth about the union of two poets, which is sacred. Balmont emphasizes the distance between the world of ordinary people and «elected» poets. Motive of youth is extremely important for Balmont – it symbolizes the perfect state of the soul and it becomes constant component of myth.

Keywords: correspondence, myth, symbolism, plot, motive.

В. В. Воложанина

(научн. руководитель А. М. Меньщикова)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Тема сна в письмах М. Цветаевой

Аннотация: статья посвящена теме сна в цветаевских письмах, которые представлены в ее записных книжках. В работе предпринята попытка дать ответ на вопрос о значении и ценности сновидения для М. Цветаевой, сделан обзор сюжетов и тем, раскрывающихся в сновидениях, сделан вывод о месте феномена сна в письмах поэта.

Ключевые слова: М. Цветаева, тема сна, эпистолярный, записные книжки, эпистолярный контекст.

«Сон – это я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Моя погода, мое освещение, мой час суток, мое время года, моя широта и долгота. Только в нем я – я. Остальное – случайность...» [Цветаева:URL], – признается Цветаева в своем письме к Саломее Андрониковой. Для Цветаевой существование во снах как в иной действительности является естественным и органичным. Анна Красильщик в работе «По воздуху снов» отмечает: «Сны, по Цветаевой, можно «снить», дарить, посвящать, во сне можно назначать свидания и встречи» [Красильщик:URL]. Цветаева – сновидец, сновтворец. «Я сню свои сны. <...> Мне сон не снится, я его сню» [Красильщик: URL], – пишет поэт. Так, сон является одной из доминант цветаевского мира и, одновременно, сама Цветаева является доминантой и хозяином своих снов. Она и ее сновидения – единый, гармоничный организм: одно нельзя отделить от другого. Так, в письме Александру Бахраху 10-е сентября 1923 года она пишет: «Не могу жить. Все не как у людей. Могу жить только во сне, в простом сне, который снится: вот падаю с сорокового сан-францисского этажа, вот рассвет и меня преследуют, вот чужой – и – сразу – целую, вот сейчас убьют – и лечу. Я не сказки рассказываю, мне снятся чудные и страшные сны, с любовью, со смертью, это моя настоящая жизнь, без случайностей, вся роковая, где все сбывается» [Цветаева1995: 607].